

Некоторые типологические черты образа юродивого и их реализация в русских народных сказках

Предлагаемая статья посвящена глубинным связям феноменологии русского юродства, своеобразного и, безусловно, важного явления в жизни Древней Руси, и феномена «сказочного дурака». На определенное родство образа юродивого, реконструированного из житийной литературы, записок путешественников-иностранцев, воспоминаний очевидцев-современников и сказочного персонажа обращает внимание А.М. Панченко, высказывая мысль о том, что «сказки о дураках – один из важнейших источников для понимания феномена юродства...» [2:100].

По словам И.А. Ильина, «каждый народ по-своему... накапливает свой особый – и дорегиональный, и религиозный опыт; слагает свою особую духовную проблематику и философию... В русских сказках русский народ пытался распутать и развязать узлы своего национального характера...» [1:9–10]. Зная, какую весомую роль в фольклоре играют именно сказки о дураках, можно предположить, что образ Иванушки-дурачка, или, по словам А.М. Горького, «иронического удачника», – один из «узлов национального русского характера».

Образы «обездоленных глупцов», «низких героев» известны в фольклорах и других народов: лысый паршивец из тюркских и монгольских сказок, норвежский запечник Аскеладден, финский углеед Тухтимус, эстонский Тухкатрин, но, по мнению исследователей, «русская сказка отличается сюжетной оригинальностью и ярким национальным своеобразием», «художественной и эстетической зрелостью» [3:140–141].

Русский персонаж – так сказать, собирательный образ Иванушки-дурачка – представлен несколькими героями, самые известные среди которых сам Иван-дурак, Емелюшка-дурачок и Незнайка (в некоторых вариантах героя зовут Иван Запечник, Иван Попелов, Иван Затрубник, Князь Печуринский, Матюша Попельной и т.д.). Корни этого образа в волшебной сказке очень сложны. Возможно, один из самых древних пластов персонажа отражает образ безумца первобытных легенд и мифов, запечатлевших известное этнографией почитание ритуального безумия, играющего важную роль в обрядах инициации, шаманизме. Примечательно, что лень, неподвижность, неопрятность, незаинтересованность в окружающем характеризуются

как ритуальные моменты в подготовке к посвящению. Конечно, сказка о дурачке не является прямым отображением обрядов инициации и шаманских практик. Фольклористы указывают на более непосредственную связь Иванушки с анекдотическими сказками о глупцах; самый термин «дурачок позаимствован волшебной сказкой из анекдотической» [3:239]. Нелепое, абсурдное поведение героя этого сюжета обусловлено его анимистическими и тотемистическими верованиями, которые высмеиваются в сказке как архаичные (глупец обращается с неодушевленными предметами, растениями и животными, как с людьми). В одной сказке дурунь убивает священника, но раскланивается перед собаками и просит благословения у медведя. Можно говорить о том, что материалом для создания образа дурачка послужили и архаичная легендарная традиция, идеализирующая «безумца», и анекдоты о глупцах, пародирующие первобытные мифы и легенды.

Не исключено, что на генезис «иронического удачника» оказала влияние и другая, значительно более поздняя составляющая русской духовной жизни. Речь идет о юродстве – феномене Византийского происхождения, привнесенном на русскую почву вместе с православием. Укоренившись примерно к XI веку, достигнув своего расцвета в XIV–XVI вв., юродство становится к этому времени самобытным и ярким национальным феноменом. Факт сравнительно позднего проникновения в волшебную-фантастическую сказку образа Иванушки-дурачка может свидетельствовать о взаимосвязи этих феноменов [4:115].

Это предположение косвенно связано с высказыванием Е. Трубецкого: «в сказке чрезвычайно много сродного христианству. Трудно сказать, чем это объясняется, природным ли предрасположением к христианству народного гения, создавшего сказку, или, наоборот, многовековым влиянием христианства на народную душу, а через нее на сказку. Достоверно одно: русские сказочные образы как-то совершенно незаметно и естественно воспринимают в себя христианский смысл» [6:114].

Ученый обращает наше внимание на то, что «...совершается превращение волшебного в чудесное в христианском значении слова... в особенности просто и естественно

сказочный «дурак» превращается в «блаженного» или юродивого... В русской сказке это превращение облегчается самым сходством между дураком и «блаженным». Общая черта того и другого – вещее безумие, отсутствие человеческого «здорового рассудка» и в то же время обладание иною чудесною мудростью.

У дурака эта мудрость волшебная, а у юродивого «ум Христов», но в сказке легко стирается грань, отделяющая одно от другого; тогда в одном и том же лице смешиваются черты дурака и юродивого. Совершается это очень просто – путем религиозного истолкования обычных речей и поступков дурака, вопреки житейскому здравому смыслу» [6:115].

Изменение точки зрения, введение образа в другую, христианскую систему координат позволяет представить несколько иную его интерпретацию. Так, например, исследователи неизменно обращают внимание на пассивность героя, которое оценивается, как правило, отрицательно. Однако помещение «низкого героя» в другие координаты позволяет рассматривать бесконечную покорность судьбе как смирение – образец высшей христианской добродетели.

Такое истолкование становится более убедительным на фоне других сказочных мотивов: «особенно близкой, даже родственной связи Иванушки с чудесными силами» [3:141], которые персонифицируются в благодарном мертвце, благодарных животных – кошке, собаке и т.д., Сивке-Бурке, Коньке-Горбунке, Свинке – золотой щетинке, Бабе-Яге, которой подвластны все стихии, живая и неживая природа; в некоторых вариантах – чудесного свойства героя излучать свет удивительной яркости, а также указания на некоторую религиозность дурака (в трудные минуты вещая невеста велит Ивану Спасу молиться: «Господи сохрани меня и спаси мою душу»; «По щучьему веленью, по Божьему благословенью» – произносит наученный щукой Емелюшка)). «Волшебное, претворяющееся в сказке в чудесное, в христианском смысле», наделяет Ивана «вещим словом»: «Скажет вещее слово – целые ряды яблонь появятся»; на пути преследователя воздвигает рошу» от неба и до земли, от востока и до запада», «образует реки огненные от востока до запада».

Представим текстовые параллели, подтверждающие нашу гипотезу. Прежде всего обратим внимание на внешность героев. Иванушка-дурачок носит необычную и причудливую одежду, обноски братьев. На голову он напяливает в виде колпака бычий или

воловий пузырь, поверх пузыря – шапочку, требушину быка; «паршивый череп», убранный «в лахманье», «что-либо, пошитое из ремня». Вместе со столь оригинальным головным убором или без него Незнайка надевает на себя шкуру, бычью шкуру бугая, воловью, козью, шубу из ста овчин, поварскую одежду, одежду, пошитую из ремней, «кафтан с долгими полами с большим воротником». Если об одежде не говорится подробно, как правило, указывается, что одежда грязная, в золе или пепле. Сказочный герой часто изображается уродом, он маленького роста («недоросточек, недощипанный утеночек»), чесоточный или паршивый [3:230].

В волшебной сказке, таким образом, утверждается эстетика низкого. Это позволяет усмотреть прямую аналогию с внешним видом юродивого, обусловленного возвращением к раннехристианским идеалам, согласно которым – плотская красота от дьявола. Ссылаясь на А.М. Панченко, отметим, что идеальный костюм юродивого – двусмысленная нагота (с одной стороны, – символ души, ангельская бесплотность, с другой – соблазн, безнравственность) [2:92–93]. Поэтому, чтобы не соблазнять «малых сих» (такое объяснение приводится в житиях), юродивый надевает рубаху. Лоскутность, многошвейность, лохмотность одежды, прикрывающей срам, «колпак великий и тяжкий» Иоанна Водоносца, грязные тряпки на голове и т.п. – приметы внешности юродивого, сходные с приметами сказочного персонажа.

Над сказочным дураком и над житийным юродивым смеются, издеваются, относятся с нескрываемым презрением, подчеркивают их физическую и нравственную неполноценность: «А что с дураком разговаривать»; бьют их, юродивых часто до полусмерти: «Избирая подвиг юродства, человек «укорение приемлет и биение от безумных человек, яко юрод вменяем ими и безумен» [Цит. по 2:87].

Разница положений в том, что юродивый активно и сознательно провоцирует толпу, а дурак – пассивно, раздражая, видимо, своей «придурковатостью».

Парадоксальность поведения – самоцель для юродивого, которая выполняет функцию эстетической доминанты образа и проявляется в его ярко выраженной двуплановости, двусмысленности (высшая мудрость, воплощенная в личине безумия). В сказке же двусмысленность «коренится в противоположности между подлинною, т.е. магическою мудростью и житейским здравым смыслом. Дурак является любимым героем сказки

именно потому, что в человеческий ум она не верит» [6:112].

А.М. Панченко выявляет еще одну значимую аналогию: как Иван-дурак, так и юродивый наделены «прикровенной мудростью», противопоставленной плоскости и подлости здравого смысла [2:100–101].

Именно в этом В.Я. Пропп усматривает проявление очень глубокой и прекрасной сказочной философии. «Вещи, а также люди представляются внешне совершенно не тем, чем они есть на самом деле. Есть несоответствие между внешним видом и внутренним содержанием. Самое невзрачное, скромное, последнее, всеми презираемое существо – оно-то и обладает внутренней красотой» [5:222–223]. Этому парадоксу соприродно двойственное отношение народа к дураку и юродивому – юродивого бьют и перед ним благоговеют, над дураком смеются, обижают – но, вместе с тем, жалеют и ценят: «Бог дурней жалует», – говорится в сказке «Летучий корабль».

Юродивый Христа ради надевает личину безумия, которая позволяет ему выполнять свою главную обязанность – «ругаться суетному миру», обличая пороки сильных и слабых. Свое истинное лицо он скрывает: днем, на людях он шалует в людных местах, ночью, наедине – он молится, за этим занятием его не должны застать.

Интересны в связи с этим сказочные мотивы неузнанности героя: низкий герой тайно совершает подвиги и лишь в последний момент, притом неохотно, обнаруживает свою «высокую сущность». «Сложность положения главного героя, – отмечает Н.В. Новиков, – заключается в том, что он должен постоянно разыгрывать двойную роль, чтобы окружающие, с одной стороны, не могли признать в странном придурковатом юноше богатыря победителя, а с другой – в богатыре победителе не разгадать всеми презираемого юношу. Искусно маскируясь, Незнайка достигает того, что вводит в заблуждение относительно себя» [4:95]. Можно говорить о том, что напускной индифферентизм и чудачество служат герою своеобразной маской, за которой он старательно прячет свое настоящее лицо, хотя сказка никак не объясняет, почему именно герой должен остаться неузнанным.

Сближает образы юродивого и дурака – бессмысленность, явная несуразность их проделок, имеющих, впрочем, часто тайный смысл. Отосланный на работу к садовнику, Незнайка ночью уничтожает весь царский сад; навязывает вязанки живых сорок да во-

рон: «К тем дверям подошел, где пируют, спустил сорок да ворон, а они полетели, перебили графины и все, рюмки и все, и стаканы и окольницы». Ср. с юродивым: «Первые десять лет, если не более, возилась она с камнями. Возьмет этот платок, салфетку или тряпку, всю-то наложит пребольшевыми камнями доверху и, знай, таскает с места на место».

Важно то, что и житийный юродивый и сказочный дурак разрушают субординацию как систему сложившихся социальных отношений, и тем самым утверждают значимость другого типа отношений, ценностных, иерархических.

Так, юродивый без страха критикует царей, чему есть множество примеров (классический – отношения Василия Блаженного с Иоанном Грозным). Таким же образом достается царю (королю) от сказочного Незнайки. Дерзить царю, потешаться над его недогадливостью, ставить его в неловкое и смешное положение, оставить царя в прямом смысле с рогами, перевернуть коляску, в которой едет король и, наконец, дерзко и бесстрашно сказать царю: «Вы что, разве не видите, что на человека наезжаете? Али ослепли?» или «Вы бы стояли на пути, и на вашу бы рожу наехал» – вот неполный список примет, отличающих ситуативное поведение героя. Дурак, подобно юродивому, прозорлив, предрекая царю поражение. Например: «Будет лук, да не для твоих рук; будет меч, да не тебе им сечь; будет добрый конь, да не тебе на нем ездить; будет и красная девица, да не тебе ею владеть». Разгневался царь за такие речи». В своей ипостаси богатыря, как власть имеющий, Незнайка стыдит свояков, называет их «липовыми защитниками», подлецами, мерзавцами, бьет их, а если они подобострастно приглашают его в гости во дворец, с презрением отвечает: «Я с вами на одном поле до ветра не хочу ходить».

Приведенные контексты выявляют структурную и семантическую общность образов юродивого и дурака. И тот и другой представляют не «глупую глупость», «не вредную и не постыдную, а зоркую и верную, желанную и блаженную, по-глупому начинающую и по-умному кончающую», которая глупит «от смирения и ведет к мудрости» [1:3].

Реализация глупости подобного рода сопряжена с парадоксальным поведением, за которым стоит неявная установка на ценностное переструктурирование мира. Не исключено, что ценностная доминанта и предопределяет генетическую связь житийного

юродивого и сказочного дурака, оказавших в целом. значительное влияние на русскую культуру

Литература

- 1.** Ильин И.А. Духовный смысл сказки // Литература в школе. – 1992. – №1. – С. 2–11. **2.** Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. – Л., 1984. **3.** Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. – М., 1958. **4.** Новиков Н.В. Образы восточнославянской сказки. – Л., 1974. **5.** Пропп В.Я. Русская сказка. – Л., 1984. **6.** Трубецкой Е.Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Литературная учеба. – 1990. – Март-апрель. Книга вторая. – С. 100–119. **7.** Христианство. Энциклопедический словарь. – Т 3. Т–Я. – М., 1995.

АНОТАЦІЯ

У статті обґрунтовується типологічний зв'язок ключових образів російської культури – житійного юродивого та казкового дурня.

SUMMARY

The article substantiates the typological connection in Russian culture between its key images of the hagiologic fool in Christ and fairytale fool.